

ДАНИЛА-МАСТЕР, ИЛИ ТЕПЕРЬ ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ

Писать, как известно, научить невозможно. Можно спрямить путь и рассказать будущему писателю о всех ошибках, которые до этого совершил его более опытный учитель. Этим, собственно, мы и занимаемся в Литературном институте. Но смысл этим самым заниматься есть только в том случае, если человек к этому предрасположен. Все то же самое и в консерватории, где учат петь и играть, и там, где учат рисовать и лепить скульптуры. Только от одного желания петь не запоешь. Талантливого человека, как породистую собаку, всегда видно. По тому, как слушает, как реагирует, а главное, как складывает слова.

Собственно, Данилу Трофимова, с чьей повестью читателю предстоит ознакомиться, в Литинституте разглядели довольно быстро. Но талант на то и талант, чтобы еще и самому понять, к чему лежит сердце и как должна сложиться жизнь. Если сел не в тот вагон, надо срочно пересесть, а не тащиться до конечной станции. И куда тогда приедешь? И талант — это

еще, конечно, умение прикрепить себя к стулу. Труд — он всегда идет следующей строкой за способностями и удачей. Собственно, в этих немногих строках моя характеристика бывшего моего студента, а теперь уже, кажется, и сложившегося писателя. Добавить могу, что это еще и его дипломная работа. Мы жили по-другому, чем герои Данилы Трофимова, нам с детства меньше давали, но и жизнь была, может быть, менее трагической. И зрели мы позже, но Данила уже считает себя сорокалетним. Думаю, это не совсем так, время другое, и о нем он честно и подробно говорит. И, наконец, последнее. Я рад, что Данила начинает в журнале, с которого начиналась творческая судьба многих знаменитых писателей. Список большой: здесь и Аксенов, и Евтушенко, и Ахмадулина, и Лихоносов, и Роберт Рождественский... Я назвал только самый верхний ряд. Кстати, все они с дипломами Литературного института. Первая известность и ко мне как писателю пришла через этот журнал. Ну что, Данила, теперь твоя очередь.

Сергей Есин, писатель, заведующий кафедрой
Литературного творчества Литературного института
имени А. М. Горького

СПАСИБО, ЧТО ВЫ БЫЛИ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Марины Медведевой

10.06.09

Дима зашел в лифт и поднялся на девятый этаж. Лестничная клетка со облупившейся краской на застарелых стенах — серый верх, зеленый низ. Напротив лифта — лестница, ведущая на чердак. *Мы там были однажды, там хо-рошо, еще бы раз...* Справа и слева — решетки. Черные, массивные, за каждой по две двери. *Все, все, все. Спокойно. Чего я, как в первый раз?..* Звонок — белая кнопка с копотью. Под звонком цифры: один, семь, восемь. *Наверно, слишком быстро, вот и нервно.* Он позвонил в дверь, а потом спустился в пролет между этажами, открыл окно и снял гитару с плеча.

На одном из балконов соседнего дома Дима увидел толстую женщину в белой ночнушке. Она сначала развешивала белье, а потом ушла в комнату, и там кто-то ходил из стороны в сторону и резко размахивал руками. *Ссорятся, наверно, и зачем люди ссорятся...* Димин друг Яша жил в доме напротив. Родители Яши часто ругались, пока отец (бывший зэк) не допился до цирроза и не умер. На вопрос, зачем родители ссорятся, наверно, Яша бы ответил: «Чтобы их дети знали, как себя вести во взрослой жизни».

Чуть правее девятиэтажки — школа, сверху похожая на большую букву «Н», внутри и снаружи серая и незаметная.

Сигарета кончалась, Дима с каждой затяжкой все отчетливее чувствовал у пальца тепло. *Как раздражают эти пальцы и ногти! Они аляпистые, пухлые и некрасивые. Медвежья лапа. Такими руками нельзя касаться ее рук, тонких, нежных, с черным лаком на длинных... это ничего, что лак у нее иногда трескается, оттого они... руки, настоящие. Спокойствие.* От ее рук всегда пахло чем-то сладким, и он, часто прислоняя после встреч с ней руку к носу, все еще чувствовал ее запах. Она однажды сказала ему, что это за запах: запах сицилийского мандарина. Она сказала это тихо-тихо, как будто секрет всей жизни, при этом игриво улыбнулась, а он восторженно повторил: «Сицилийский мандарин!» Дима старался не курить левой, той рукой, которая больше всего пахнет ею.

Дверь хлопнула. Она вышла. *Магическая. Когда с ней говоришь, создается впечатление, что*

говоришь с родным человеком, от которого исходит теплота, искренность, участливость, светлость, доброта...

Сегодня у нее были распущены волосы, черные и волнистые.

— Привет, Дим, — сказала она.

— Привет, Катя. — Дима выкинул сигарету в окно и надел гитару.

Они вышли из подъезда. Гитару взял с собой, скорее, для нее, а не для себя, потому что сам одновременно петь и играть не умел. А Катя однажды как-то вдруг решила, что надо научиться петь под гитару, и научилась за две недели, плохонько, но научилась! И запела. По-настоящему запела.

— Сегодня у Ежа смена до пяти, — сказала Катя.

— Хорошо.

Они зашли в метро. Катя села, Диме места не досталось, он стоял над ней. Катя сидела с закрытыми глазами, веки ее были в блесках и черные. Дима злился на толстого дядьку, который развалился рядом с ней.

Когда они вышли из метро, на улице светило солнце. *Солнце!* Катя танцевала, радуясь ему, она танцевала вокруг Димы:

— Дим, ты такой задумчивый! Люблю задумчивых, но иногда скучно может стать. Тебе скучно со мной?

— Нет, совсем не скучно. Мне с тобой всегда весело, даже когда мы молчим. Я вот на тебя смотрю, пока мы едем в метро, а ты сидишь и не знаешь.

— Да ты маньяк, Дим! — рассмеялась Катя. — Давай танцевать!

Она весело кружила вокруг него, легкая и беззаботная.

— А ты мне сегодня поиграешь?

— Уж лучше ты мне.

— Но ты обещал.

— Ладно, ладно...

Они шли в офис компании, в которую хотела устроиться Катя. Четыре часа в день и три с половиной тысячи рублей — все, что она знала о работе. Зашли в четырехэтажный дом, остановились у нужного кабинета. В кабинете за большими столами, заваленными толстыми папками-файлами, сидели две женщины. Увидев Диму, одна из женщин попросила его подождать за дверью. Дима вышел

и встал около двери кабинета, снял гитару, поставил ее себе на ноги. Через пару минут вылетела Катя и радостно обняла Диму:

— Меня взяли! Взяли, взяли, взяли!

И она вновь кружилась, и волосы ее пушились еще больше. Они вышли из офиса, держась за руки.

— Завтра у меня первый день. Нужно ехать на другой конец Москвы, на Петраши.

— А что ты будешь делать?

— Просто улыбаться всем и раздавать буклеты.

— Да, работа непыльная вроде.

— И за четыре часа они дадут четыре тысячи! Даже больше, чем обещали! Я рада.

— А я рад, что ты рада. Как раз будешь совмещать с институтом, когда поступишь. Теперь домой?

— Да. Или погуляем, не знаю.

В метро Катя и Дима сели вместе. Она положила голову на его плечо. После метро Катя сказала, что хочет все-таки погулять, и они долго бродили по дворам, пока не сели на скамейку недалеко от детской площадки. Катя поцеловала Диму, а потом попросила у него сигарету.

— Тебе нельзя! — возмутился Дима.

— Я же не всегда курю.

Катя держала в руках сигарету и была похожа на поэтессу. Неземную, задумчивую и прекрасную в своем молчаливом курении. Затем они пошли на набережную и сели на пристани, поближе к воде. Дима вытащил гитару и положил чехол на землю.

— Прошу. — Он помог Кате сесть, а потом сел сам.

— Спой что-нибудь, Дим, — попросила Катя.

— Я не могу.

— Почему? — изумилась Катя.

— Я не умею, и вообще — стесняюсь тебя. Давай, может, лучше ты?

— Нет, я тебе и так часто пою. Теперь ты.

— Правда, я не могу.

— Чего ты? Смешной... Давай, хочешь, я отвернусь. Или нет. Давай лучше ты отвернешься.

— Это как-то глупо, Кать.

— Ничего это не глупо. Ты попробуй. Давай! Пой.

— Не могу.

— Тогда просто играй.

— Ладно. Я попробую.

— Не пробуй — делай.

И Дима заиграл. А когда музыка стихла, Катя произнесла:

— Мой папа на этой набережной познакомился с мамой. Она гуляла с подружкой, а навстречу

он, и все — любовь на всю жизнь. Вру, конечно, не было такого... Я мало что о нем знаю и почти совсем ничего не помню, а мама не рассказывает. Я помню только, мы с папой на озере рыбу ловили. Он учил меня снимать ее с крючка. Мне попала маленькая такая рыбка. Я вытащила ее из воды, отложила удочку, держала леску. Рыбка барахталась в воздухе, как будто все еще плыла. Папа сказал, что ей надо разорвать рот, она слишком глубоко проглотила крючок. Папа сделал это за секунду, я даже ничего сообразить не успела, и так безразлично сделал. Я расплакалась. А он меня обнял. Борода у него черная, колючая. Когда я закрываю глаза и думаю о папе, я не вижу его лица, я вижу только одну его черную бороду. Папу убили под аркой у дома, из-за денег, он играл на курсах... Иногда я представляю, какой у него мог бы быть голос. Я представляю этот голос хриплым, таким... прокуренным. Хочу, чтоб он сказал что-нибудь приятное, и мне стало хорошо. Прижал меня к себе и сказал: «Ты моя красавица».

Солнце, желтое и яркое, уже почти не грело, а небо — чистое, беззаботное — начало розоветь. Катя прошептала:

— Все люди хорошие. И ты хороший, конечно. Нет плохих людей. Люди хорошие, а поступки у них плохие. Нет в них зла, все добрые. Я это давно поняла, и хочется каждого обнять, напомнить: ты — хороший. У тебя такого не бывает? Ну чего ты улыбаешься, дурачок! Вот хорошо, что мы не звери, а? Хорошо, что мы люди, и можем понимать, когда делаем плохие поступки. Но зверей я, кажется, еще больше люблю. А еще я иногда обнимаю деревья.

— Зачем это? — рассмеялся Дима.

— Вообще-то от них можно получить много положительной энергии.

Катя нахмурилась и сказала вдруг:

— Пойдем, время уже пять.

Они подошли к ее дому. Первый подъезд, второй, третий... Шли к пятому. Дима взял Катю за руку:

— С тобой — приятно и уютно, и...

— Привет!

Голос. Руки убрали в карманы. *Меня сейчас он убьет, он же ненормальный, реально просто на месте убьет. Ладно, спокойно.* Оглянулись как ни в чем не бывало. На скамейке рядом с третьим подъездом сидел парень.

— Ежик, — голос Кати дрожал, — а ты чего здесь?

— Время почти шесть. С работы приехал. — Парень не поднимал головы, читал книгу. — Домой не хотел идти, книжку новую купил.

— Что читаешь?

— «Тошнота», тебе не понравится.

— А я с собеседования.

— Да, я ее провожал, — виновато добавил Дима.

— Он меня провожал, — подтвердила Катя.

— Ясно. Почитаю еще, к тебе зайду.

Молча пошли. Не могу так больше. Наверное, он не заметил, потому что если бы заметил, то сразу бы — в морду. Точно, не заметил, но как это можно было не заметить: мы шли... он окликнул — все он видел! Прощаясь с Катей, Дима потянулся к ней, чтобы поцеловать в щеку.

— Давай не будем, — отрезала она. — Пока.

Катя зашла в подъезд. Тяжелая серая дверь захлопнулась, а домофон все еще продолжал пищать. Вот и весь мир замолчал, оставив Диму наедине с самим собой.

Зазвонил мобильный телефон. Дед звонит. Дима взял трубку. В трубке — что-то неразборчивое, голос деда пьяный, что ли, не пойму, стран-

но... алло, дед, чего такое, говори, ну не слышу, не понимаю, аля, ты чего, пьяный или чего? Дима бросил трубку. Через полминуты опять звонок.

— Дед, чего там у тебя случилось?

В ответ — хрип.

Услышал, кажется: «Плохо мне». Плохо, как плохо, что делать, что... нужно бежать. Так. Спокойно. НЕТ, КАКОЕ СПОКОЙНО, ДАВАЙ БЫСТРЕЕ К ОСТАНОВКЕ БЕГОМ, НУ ДАВАЙ, АВТОБУС ПОДЪЕЗЖАЕТ ВОН, ВИЖУ, БЕГОМ... Прошел в салон, сел у окна, ближе к выходу. Теперь уже только ждать, сейчас я ничего не могу, где он, наверное, дома, хоть бы он был дома, нужно позвонить матери, сказать... не берет трубку, да давай ты, автобус, что ты так тащишься, давай, давай, давай. Ну! Дима звонил матери, потом деду, потом дядьке. Дядька сказал, что недалеко от дома как раз, сейчас тоже подъедет. Улица так медленно ползет, сука, давай, автобус, я тебя ненавижу, ну!

Перезвонил дядька:

— Дим, ты где?

— Еду я, еду.

Как только автобус подъехал к остановке, Дима вылетел из салона и помчался к дому. У подъезда стояла дедова машина с открытой дверью, рядом дядька, он что-то Диме говорил. В машине за рулем сидел дед. Лицо его оплыло, искорежилось. Он тяжело дышал. Вся левая сторона лица — как будто резиновая, ненастоящая. Дед смотрел на Диму, и левый глаз его был почти закрыт. Дед стонал, хрипел. Такой большой, такой сильный и — беспомощный. Диме навсегда запомнилось выражение лица деда, который впервые плакал при внучке, беспомощно водя в воздухе правой рукой, пытаясь что-то сказать, что-то сделать.

11.03.08

В дверь позвонили. Катя пошла открывать. Через минуту она едва слышно вернулась в комнату и прошептала:

— Там — он!

— Кто — он? — не понял Еж, лежавший в кровати.

— Ваня.

Еж встал, надел майку и джинсы, пошел открывать дверь.

— Сейчас я буду говорить. Понятно? — сказал Еж, отстраняя Катю.

— Хорошо, Ежик.

Еж открыл дверь. Перед ним стоял невысокий, крепко сложенный парень с серьезными глазами.

— Бабки приготовили? — не здороваясь, спросил парень.

— Ничего мы не готовили, — ответил твердо Еж, — пошел отсюда, черт гашеный.

Парень долго смотрел на Ежа. Медленно опустились и поднимались его веки. Где-то внизу в подъезде грохнула дверь, грохот разнесся по всему подъезду.

— Ты кто вообще? — спросил парень Ежа.

— Чего?

— Кто ты по жизни?

Еж промолчал, вышел из квартиры и закрыл за собой дверь.

— Ты должен бабки, — не унимался парень. — Вопрос этот решается только так: ты тупо их отдаешь мне.

— У мамы своей бабки проси, черт гашеный.

— У тебя будут проблемы! — закричал парень.

Катя не выдержала, вылетела из квартиры и из-за спины Ежа запричитала:

— Вань, мы же с тобой с детства знакомы, ты что несешь вообще!..

— Заткнись! — рявкнул на нее парень.

Еж выпрямился и пошел на парня.

Откуда-то слева, откуда-то сбоку. В голове Ежа сильно зазвенело. Красно, темно. Еж не чувствовал ничего, он как будто смотрел кино. Один звон в ушах. Еж видит, как чьи-то руки касаются его майки, куда-то его тянут, он пытается отцепить их, что-то трещит, его тянут вниз. Перед Ежом невысокий парень что-то бормочет, как будто заклинивание. Еж сжимает кулаки и пытается ударить по нему, но не получается, тот отходит в сторону и бьет в ответ, в нос. Глаза замыленные, Еж вытирает глаза, и в этот момент опять удар. Звенит в ушах еще сильнее, Еж бьет не глядя, просто куда-то в темноту, и, кажется, попадает, бьет еще и еще. Ежа как будто ударило током, он отскочил. Крик. Высокий и пронзительный. Кричит Катя. Кричит? Еж оборачивается. Ее держит черно-красное пятно, хватает за волосы, она пытается вырваться. На черно-красное кидается Еж, сталкивает в лестничный пролет. Опять удар, откуда-то сзади. Закрылись глаза, и не дышится. Еж — тряпичная кукла, куклу бьют, ей не больно, она мягкая и неживая, кукла просто пытается встать, куклу валят, кукла тянется оборванной липкой рукой к девушке и падает, кукле видится что-то непонятное, тени, которые перетекают одна в другую, тени мерзкие, противные, глядя на них, не хочется дышать, они похожи на чертей, нависших над беспомощной куклой, и кукла опять пытается подняться, но ноги — из ваты, руки — внутри из тяжелых прутьев. На секунду удается подняться, и вдруг весь мир куклы куда-то катится или катится сама кукла, топот, гогот, шум, железом пахнет, кукле уже не подняться, она смотрит, брошенная, наблюдает только за тенями черно-красными, и этот запах железа, отовсюду льется железо красное, дыши, картинка становится тихой, тусклой, слабый свет гудит, режет глаз на издыхании, что-то ухает, скрипит, скрежещет прямо над ухом, лязгает. Зеленые стены падают на голову, мусоропровод ухает огромной рыбой. Гудит лампа, по ней гуляет электричество, сочится...

Все произошло быстро. Теперь только тихо-тихо плакала Катя, сидя на коленках рядом с Ежом. У нее потекла тушь, блестки на лице остались и теперь искрились так же пронзительно, как слезы. Еж все еще не Еж — кукла. На нее наступили, вмяли в пол, а ей ничего. И когда наконец отпустило, Еж потрогал левое ухо, и оно все жгло и казалось неродным, как будто от другого тела: большое, горячее на ощупь, и как будто... болталось? Во рту — солено. Соль. Как хотелось бы стать морем. Ему ведь все равно, бьют его, крутят, бросают в него что-то... Синие огни, куклу

куда-то положили и повезли, ее болтало, от внешних вспышек она открывала глаза, и глаза постоянно сами собой сразу же закрывались. Опять куклу толкают, куда-то кладут, дребезжание сменяет звон, ухо горит, голова раскалывается... лампы, темно, лампы, темно, лампы... громыхает что-то, хочется спать.

Катя вместе с перепуганной матерью Ежа вернулась из больницы домой на такси. Катя поднялась к себе на этаж и увидела лестничную клетку, вымытую, чистую, и расплакалась.

С растоптанными, спутавшимися волосами Катя замертво упала на кровать. Она уже не плакала, она лежала лицом в подушку и смотрела в темноту. За окном гулял ветер. Холодная весна, снежная. Снег той весной был до дьявола чист.

14.06.09

Сегодня выписывали деда.

Он лежал в инфекционной больнице недалеко от дома, куда пристроила его дочь, мама Димы. Мама попросила Диму довести деда до дома. *Вдруг станет ему плохо, и не дай бог он упадет, надо поддержать, подстраховать.* Дима подошел к проходной больницы, седой охранник с испитым лицом буркнул:

— Куда?

— К Хлебникову, четвертый корпус.

— Шагай. Как пройти, знаешь?

Дима кивнул и толкнул со скрипом турникет. В четвертом корпусе мама работала медсестрой-анестезиологом. *Там на первом этаже реанимация. Мама водила меня сюда, чтобы лечить от чего-то.* Дима не очень хорошо помнил то время. *Зато я хорошо помню — сидел за стол, прислонял нос к стальной трубке, внутри которой светило ярко-ярко фиолетовым светом. И запах такой был... электричества.* Почему-то вспомнилось, как мама вела его к выходу из главного корпуса. *Мимо страшных синих палат. «Здесь лежат наркоманы, у них была передозировка. Наркотики — это табу, запомни». Я смотрел через стекло на скелетов, лежащих в постели, из их рук росли трубки, про вода. Обтянутые желтой кожей лица...*

Дима зашел в дедову палату. В ней было по-больничному пусто. Дед сидел на кровати, свисав ноги. Вместо левой стопы у старика свисала культя. На правой стопе — три пальца. Дед очень не любил, когда кто-то смотрит на его ноги, поэтому всегда смотрел людям в глаза.

— Привет, — произнес старик. Он выглядел здоровым, сильным и хорошо отдохнувшим.

— Привет, дед. Как ты?

— Хорошо. Домой идем.

— Идем.

Дима хотел помочь деду встать на ноги, но тот его остановил:

— Не надо. Сам. Лучше пакет забери.

У койки стоял пакет с вещами и книжками.

До дома идти быстрым шагом минут десять. Дима следовал за дедом.

— Хватит! — приказал дед. — Рядом иди. Или вообще вперед шагай. Я один дойду. Иди. И я потихоньку.

Они дошли до дома, поднялись на второй этаж. Дима пропустил деда в квартиру, потом закрыл входную дверь. Дед сел на кровать молча, попросил оставить пакет на кресле.

— Что-нибудь нужно? — спросил Дима.

— Нет.

Теперь дед не выходил из дома. Несмотря на холодное и дождливое лето, в его комнате всегда были настежь открыты окна. Однажды дед позвал Диму:

— Сделай мне еды.

— Хорошо. Что тебе принести?

— Просто яичницу и чай.

— Ладно.

Дима пошел на кухню, зажег плиту, поставил сковородку и чайник, достал из холодильника три яйца, лук, красный перец. Нарезал кое-как, налил на разогретую сковородку масла, разбил яйца, высыпал перец, лук, посолил. Из комнаты деда послышался сдавленный стон, кашель, сухой и жесткий. Дима вытащил колбасу, которую ему мама всегда покупала, сделал бутерброды, налил в полулитровую дедову кружку заварки и кипятка, добавил четыре таблетки сукратиза. Положил все на поднос и отнес деду в комнату.

— Это что? — спросил дед, глядя на поднос.

— Яичница.

Старик приподнялся с кровати и неодобрительно смотрел на поднос:

— Я просил просто яичницу. Забери бутерброды, я такую колбасу не ем.

Дима пошел с двумя бутербродами в свою комнату. Вновь услышал стон. Вернулся в комнату деда: старик лежал, рядом с кроватью стояла на стуле тарелка с нетронутой яичницей.

— Дед, что у тебя болит?

— Спина.

— Может, мне маме позвонить?

— Не надо. Сейчас пройдет. Что-то душно совсем. Открой окно.

— Оно и так открыто.

— Иди.

Дима вернулся к себе в комнату.

Дед. Бедный дед. Сейчас там один, ну зачем все так? Почему? Ну за что Ты так его? Сделай так, чтоб он не мучился. Не мучай его, не мучай нас всех, зачем Ты все это делаешь?..

26.07.11

Они стояли на лестничной клетке в пролете между этажами. Катя грустно улыбнулась. Дима курил и обнимал ее, а она смотрела в окно.

— Ты же понимаешь, что больше ничего не будет? — спросила Катя.

— Да, я понимаю, — ответил Дима, отпуская ее от себя. — Как Еж?

— Он со мной не разговаривает и уже второй день не берет трубку. Звонила его мама, спрашивала, знаю ли я что-то про него. Он не появляется дома уже второй день.

— Плохо все получилось.

— Совсем плохо.

— Ладно, я пойду. — Дима выкинул бычок в окно.

Он спускался по лестнице. Слышал, как гремят Катины ключи, которыми она изнутри закрывает решетку на лестничной клетке. А мир уже не пустел.

Дима маленький и поэтому милый. Он — уютный. То есть по-настоящему, по-домашнему уютный, а не как дома. Дома я себя не чувствую как дома, только когда папа был живой, чувствовала.

Дима смешной такой. Когда ему шепчешь всякие глупости, он краснеет и становится еще милей. Сейчас, правда, он стал скучный: на пошлости отвечает пошлостями.

— Ты хочешь секса втроем? — спрашивает Катя.

— Ты участвуешь? Если да, то я тоже! — смеется Дима.

А год назад, да, он совсем маленький был. Я залезла под его джинсовую куртку, под майку, водила там рукой и говорила всего одно слово — «хочется»... Я могла говорить все, что угодно, потому что знала — Дима никогда ничего не сделает с мной, если я этого сама сильно не захочу. Но сейчас как-то не так. Как-то — нет.

И в первый раз, когда они поцеловались, Катя сама предложила ему проводить ее до подъезда, потом до квартиры. Они зашли в лифт, и как только двери закрылись, она поцеловала его. Страстно и долго, пока медленно, подергиваясь, лифт поднимался на девятый этаж.

И впервые этот запах сицилийского мандарина так близко. Мне казалось, что мира нет или

он застыл навечно, не нужно было дышать, дышать, не надо ничего, ведь есть ее губы.

Двери лифта открылись, Катя вылетела на лестничную клетку, успев нажать на кнопку «1». Она помахала рукой Диме и сказала: «Пока-пока». Так Катя прощалась с ним каждый день первые несколько месяцев. В этом было много плохого, а ей тогда нравилось казаться плохой.

Я теперь плохая. Я чувствовала это уже давно, что-то затаенное во мне, черное, таинственное и манящее. Оно было во мне с самого начала, да. Но может, оно родилось до меня, а потом просто вселилось, затаилось и сейчас — выбралось наружу? Теперь я вру, обманываю, зачем-то делаю грязь, я купаюсь в этой грязи. Нравится... Нет, я не хочу быть такой. Как себя остановить? Как себя вылечить? Это все они меня отравили, они! Нет, они не виноваты, они все хорошие, просто я им не смогла об этом сказать, навести их на правильную мысль, я сама виновата. В голове какой-то бред: ничего не вижу и не понимаю. Когда я стала такой?

Потом я набрался наглости и прижал Катю к входной решетке. «Плохой мальчик», — говорила Катя, а я целовал ее шею, губы...

«Нравится», — тяжело выдохнула Катя.

И, наверно, тогда появилась откуда-то тоска, и все вокруг потихоньку темнело, темнело...